

Дуань Минчэнь сказал: «Учитывая, что ты признала свою вину и принесла много полезных сведений, это можно считать искуплением. Я не стану взыскивать за прежнее сокрытие правды. Шэнь Юйчжу лишь временно под домашним арестом. Если он, как ты и говоришь, невиновен, его, конечно, освободят».

В прекрасных глазах Цю Лянь мелькнула мольба: «Господин, позвольте мне навестить молодого господина?»

«Нельзя. Но не тревожься, с ним всё будет в порядке».

Цю Лянь, зная, что настаивать бесполезно, вновь склонилась в низком поклоне: «Тогда я полагаюсь на вас, господа!»

Она долго стояла на коленях на твёрдом полу, и ноги её уже онемели. Поднимаясь, она чуть не упала, но, собрав волю в кулак, медленно поднялась и, пошатываясь, покинула Усмирительное ведомство гвардии в парчовых халатах.

«Глубина чувств не оставляет места для сожалений... Вот это преданность!» — пробормотал Гу Хуайцин, глядя вслед удаляющейся Цю Лянь.

Дуань Минчэнь тоже тяжело вздохнул: «Не думал, что такой человек, как Шэнь Юйчжу, удостоится такой беззаветной преданности женщины...»

Гу Хуайцин уловил в его словах нотки одиночества и вспомнил ходившие в народе слухи, будто три свадьбы Дуань Минчэня сорвались, и он до сих пор остаётся несчастным холостяком. Не удержавшись, он поддразнил его: «Такой молодой и способный человек, как господин Дуань, разве останется без жены? Если вы успешно выполните это задание и государь останется доволен, быть может, он и вовсе выдаст за вас принцессу! Дай-ка подумать... Кажется, сестра императора, принцесса Цинхэ, как раз в подходящем возрасте».

Дуань Минчэнь испугался: «Не шутите так!»

Пусть принцесса и была золотой ветвью, особой высочайшего рода, но, согласно обычаям Великой Ци, дабы не допустить усиления родичей императрицы, муж принцессы не мог занимать государственные посты — ни гражданские, ни военные. Иными словами, став зятем императора, мужчина навсегда ставил крест на карьере. Каким бы почётным ни был титул, кто согласится ради него пожертвовать своим будущим? Так что для честолюбивого мужчины быть избранным принцессой — вовсе не благо!

Сказав это, Дуань Минчэнь увидел, как на губах Гу Хуайцина играет едва уловимая усмешка, и тут же понял, что тот просто дурачится.

За несколько дней общения Дуань Минчэнь постепенно начал понимать характер Гу Хуайцина и теперь твёрдо знал: с ним нужно гладить по шёрстке, а не идти наперекор. Он лишь горько усмехнулся и не стал продолжать.

*****

Небо темнело, зажигались первые огни — незаметно подкрался вечер.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин вместе вышли из Усмирительного ведомства. Снаружи как раз происходила смена караула гвардейцев в парчовых халатах.

Им навстречу шёл отряд в шлемах с фениксовыми крыльями и серебряных латах, с важным видом конвоирующий человек десять простолудинов. Во главе отряда был помощник командира гвардии Ло Цинь.

Увидев Дуань Минчэня, Ло Цинь тотчас же радостно направился к нему, сложив руки в приветствии: «Братец Дуань!»

Дуань Минчэнь слегка кивнул: «Давно не виделись. Чем занимался?»

Ло Цинь уже заметил Гу Хуайцина рядом с Дуань Минчэнем, но нарочно не обратил на него внимания. Поздоровавшись со старшим, он лишь тогда, словно очнувшись, воскликнул: «О, и господин Гу здесь! Вот неожиданная встреча!»

У Гу Хуайцина и так была лёгкая лицевая агнозия, да и гвардейцев несть числа — как ему всех запомнить? Он лишь неопределённо хмыкнул.

У этого Ло Циня было детское лицо, и улыбался он безобидно, но на деле был злопамятен. Он не знал, что Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин уже помирились, и всё ещё лелеял обиду за то, как гвардия опозорилась на свадьбе Вань Чжэня из-за Гу Хуайцина. Теперь, видя его высокомерное и небрежное отношение, он захотел проучить его и восстановить свой авторитет.

Ло Цинь хитро сверкнул глазами, улыбаясь ехидно: «Я, конечно, не чета вам, братец, не занимаюсь расследованием важных дел по высочайшему повелению. Я всего лишь ловлю глупцов, которые помешались на славе и богатстве!»

Дуань Минчэнь, уловив в его словах намёк, внимательнее оглядел задержанных. Все они были молоды, самому младшему лет тринадцать-четырнадцать, старшему — чуть за двадцать. И у всех была одна общая черта — чистые, без единого волоска лица.

Дуань Минчэнь сразу понял, кто они такие.

С ростом влияния Восточной Ограды всё больше людей стало считать, что стать евнухом — верный путь к успеху. Часто случалось, что люди сами себя оскопляли и являлись в столицу в надежде попасть во дворец. Среди них были и те, кого нужда загнала в тупик, и те, кто, подвижимый авантюризмом, жаждал возвыситься и стать над другими.

Но желающих стать евнухами было так много, что не каждый мог пройти отбор. В Великой Ци существовала своя система проверки кандидатов, и одного лишь решительного отсека корней было недостаточно.

Так у гвардии в парчовых халатах появилась ещё одна обязанность — задерживать самооскопившихся.

«Эти глупцы, — говорил Ло Цинь, — настоящими мужиками быть не хотят, мечтают в евнухи податься! Не знаю, откуда у них слухи, будто дворцовые евнухи живут в роскоши и не знают забот. И как только у них хватило духа, оскопились да в столицу примчались, во дворец пробиться! Ха, пусть для начала в лужу посмотрят! Разве дворец — для таких? И разве каждый может стать евнухом? Как вы считаете, господин Гу?» — Ло Цинь говорил это, бросая на Гу Хуайцина вызывающие взгляды.

«Какое мне дело!» — Гу Хуайцин нахмурился и, развернувшись, ушёл.

Дуань Минчэнь удивлённо приподнял бровь: оказывается, он и ругаться умеет!

Ло Циня задела его поведение и слова. Он плюнул вслед удаляющейся фигуре и тихо проворчал: «Важничает, паршивый евнух!»

Он сказал это шёпотом, но Гу Хуайцин, обладая острым слухом, услышал отчётливо. Тотчас же обернулся и уставился на Ло Циня ледяным взглядом.

Того пронзил холод тех глаз, и он ёкнул, но Гу Хуайцин вдруг тихо рассмеялся: «Ты ошибаешься. Я не евнух. В императорском дворце только главный евнух удостоивается титула „тайцзянь“. Я до такой чести ещё не дорос».

Дуань Минчэнь поспешил вмешаться, искренне сказав Гу Хуайцину: «Не принижай себя. С твоими талантами, дай срок, непременно станешь тайцзянем!»

Казалось бы, слова были лестными, но звучали как-то... неловко. Гу Хуайцин напрягся, тонкие губы его сложились в твёрдую линию.

Когда Гу Хуайцину было не по себе, он всегда искал, к чему бы придраться. Он повернул голову и быстрым взглядом окинул группу задержанных.

Те украдкой поглядывали на него с благоговением и завистью. Из разговора троих они уже поняли, что этот богато одетый господин — не кто иной, как знаменитый любимец Восточной Ограды Гу Хуайцин.

Лишь один тщедушный паренёк в самом хвосте всё ещё стоял, опустив голову.

Но Гу Хуайцин почему-то выбрал именно его и указал пальцем: «Ты, последний, мелкий, выйди! Поговорим».

Тот вздрогнул, осознав, что обращаются к нему, и, словно очнувшись, был вытолкнут из шеренги гвардейцем.

Юноше на вид было лет тринадцать-четырнадцать. На нём была поношенная одежда из грубой ткани, вся в заплатках, волосы — словно птичье гнездо, лицо грязное. Лишь большие глаза, чёрные и ясные, выделялись.

Паренёк поколебался, а затем вдруг плюхнулся на колени перед Гу Хуайцином и громко произнёс: «Господин, возьмите меня к себе! Я буду вам служить, как вол, как конь, только дайте мне поесть!»

Большинство гвардейцев были отпрысками знатных столичных семей и считали себя истинными аристократами. Услышав этот деревенский, до ушей режущий говор, многие не смогли сдержать усмешку, скрестили руки на груди и приготовились смотреть представление.

Однако Гу Хуайцин с серьёзным видом спросил юношу: «Судя поговору, ты не местный? Как зовут? Зачем в столицу пришёл?»

«Отвечаю господину, фамилия моя Юй, четырнадцать лет от роду, второй в семье, зовут Юй Эрлан. Родом я из Лайчжоу в Шаньдуне. Три года подряд у нас засуха была, всю кору с деревьев ободрали. Отец с матерью с голоду померли, старшего брата в солдаты забрали — не знаю, куда делся, сестёр в услужение к богатым продали. Делать нечего, пошёл я с беженцами, побирался, в столицу к дяде пришёл».

«Еле-еле добрался, а говорят — дядя-то переехал. Идти мне некуда, ночевал в храме. Потом

случайно услышал, что во дворец евнухов набирают, только отрежь у себя корни — и будешь там жить, ни в чём нужды не зная. Вот я и... А оказалось, что и на отбор евнухом деньги нужны. Я бедный, денег нет, меня и прогнали... А потом схватили... У-у-у...»

<http://bllate.org/book/16283/1466689>